

Информация к размышлению *non-fiction*

с АЛЕКСЕЕМ МИХЕЕВЫМ

[275]

ИЛ 4/2019

Прозаические книги нобелевского лауреата 1980 года поляка **Чеслава Милоша** санкт-петербургское издательство Ивана Лимбаха выпускает со стабильной регулярностью — каждые два года. В 2012 году вышел автобиографический роман “Долина Иссы”, в 2014-м — “Азбука”, сборник эссе, выстроенный по принципу энциклопедического словаря (книга обозревалась в этой рубрике — “ИЛ” №8, 2015), а в 2016-м — сборник оккупационных эссе (1942–1943) “Легенды современности”. Очередной томик этой своего рода авторской серии (все книги объединены форматом и дизайном) появился в 2018-м — это написанная Милошем в середине 70-х “Земля Ульфо” (пер. с польск. **Н. Кузнецова**; послесл. **Кшиштофа Чижевского**. — 472 с.).

В строгие жанровые рамки книга вписывается с трудом: Милош пишет, что это *нечто среднее между эссе, исповедью и лекцией* и сам, рефлекслируя над текстом, предлагает себе *следовать за свободным движением руки...* И действительно, это вольные размышления человека, прошедшего долгий путь и во времени (автору под семьдесят), и в пространстве (восточноевропейец по рождению Милош пишет книгу на дальнем американском западе, в Калифорнии, где он преподает в университете). Но при этом накопленный жизненный опыт становится здесь не самодостаточным предметом (как это бывает в традиционной мемуаристике), а некоей базой для интеллектуально-метафизической аналитики.

Трагическая история XX века не в последнюю очередь заставляет задуматься об адекватности той картины мира, которая основана на рационализме, просвещении и вере в прогресс, несущий человечеству благо. И альтернативную картину Милош пытается искать в сфере романтического, эмоционального и мистического. Воображаемыми собеседниками при этом становятся такие мыслители и поэты, как Мицкевич, Сведенборг и Блейк; собственно, именно из блейковской модели мироздания и заимствован образ воображаемой “земли Ульфо”, того мира,

в котором творческое воображение вытеснено материализмом и рациональностью. А вполне реальными собеседниками здесь выступают современники и соплеменники: Милош общается с Витольдом Гомбровичем и много внимания уделяет своему старшему родственнику, поэту Оскару Милошу.

Выстраиваемая философско-поэтическая картина мира может показаться парадоксальной: внутреннее, субъективное и воображаемое противопоставляется здесь объективному, научному и материальному, и при таком подходе утверждение “Земля — плоская” становится не менее (а в некотором отношении даже и более) истинным, нежели ньютоновский взгляд на Вселенную как на бесконечное трехмерное пространство. Однако речь здесь идет скорее о поиске адекватного, сбалансированного сочетания двух типов мировосприятия — ведь и в личности безусловно ценимого Милошем Сведенборга вполне гармонично сочетались научная прагматика, с одной стороны, и мистическое визионерство, с другой. Ну а поскольку представление о многомерности мира уже давно никак не противоречит современной парадигме физической науки, то вполне возможно, что и структура мироздания по Блейку (в которой наша “земля Ульро” представляет собой лишь один из четырех миров) — это всего лишь отражающий такую многомерность поэтический образ.

Издательство “Прогрестрадиция” регулярно выпускает книги норвежского фило-

софа **Ларса Свендсена**, в которых философскому осмыслению подвергаются самые разнообразные абстрактные

понятия: “Философия скуки” (2003), “Мода: философия” (2006), “Философия страха” (2008), “Философия зла” (2010), “Философия свободы” (2014), “Философия одиночества” (2017). В 2018-м эта концептуальная серия продолжилась изданием, в котором объектом исследования стала и сама философия: вышел русский перевод “*Философии философии*” (пер. с норв. **Е. Воробьевой**. — 208 с.).

Если бы перед нами лежал толстый том в твердом переплете, можно было бы предположить, что это солидный академический труд. Однако поскольку книга небольшая, карманного формата, в две сотни страниц, то в такого рода названии можно скорее увидеть своего рода подмигивание читателю. И отчасти подобная оценка будет верной, потому что Свендсен пишет довери-

тельно и иронично — книга эта из разряда тех, в которой о серьезных вещах говорится легко и просто.

Парадоксальности названия вполне соответствует и парадоксальность содержания. Свендсен говорит о том, что не надо ждать от книги описания истории философии, но тем не менее относительно связанное представление о ней у читателя складывается. При этом границы самого понятия “философия” оказываются предельно размытыми: с одной стороны, за много веков существования философия стала скорее узкопрофессиональной и не связанной с какими-либо реальными практическими задачами дисциплиной, а с другой — философией, рассматриваемой как мышление о сущности бытия, в той или иной степени фактически занят любой человек, вне зависимости от степени образованности и подготовленности; так, ребенка, задумывающегося о том, что такое мир, по сути уже можно считать философом.

И Свендсену удается удачно комбинировать эти две стороны: научную аналитику с наивно-познавательной активностью. Читатель узнает, например, об актуальных философских течениях: здесь достаточно подробно рассматривается, например, параллельное развитие “аналитической” (прежде

все англо-американской) и так называемой “континентальной” (прежде всего французской) философии, в которых используются совершенно различные понятийные аппараты, по причине чего их представители просто не могут вступить друг с другом в диалог. Свендсен выступает за плюрализм, полагая, что вообще разнообразные философские учения лучше рассматривать исходя не из того, что они противоречат друг другу, а из того, что они друг друга дополняют, представляя собой различные “перспективы” взгляда на мир. Ну а самым лестным для читателя окажется, наверное, призыв автора к опоре на свою “персональную” философию, построенную не на академических традициях и трудах научных авторитетов, а на собственном анализе окружающей повседневности.

Одна из заключительных глав книги Свендсена носит название “*Философия как наука о мудрости*”. Автора крайне печалит то, что сегодня в центре внимания философов оказывается “не мудрость, а знание”: так сложилось, что для профессиональных ученых экзистенциальные вопросы (например, “*Что такое хорошая жизнь и как ее достичь?*”) перестали считаться философски релевантными. Что ж, вся надежда на нас, непрофессионалов.